

The book cover features a central illustration of a human skull, rendered in a dark, almost black color. The skull is surrounded by a dense arrangement of autumn leaves in various shades of brown, tan, and purple. The leaves are detailed with veins and some have a slightly weathered or stained appearance. In the upper right corner, there is a small white circle containing the text '16+'. Below the skull, the author's name 'Алиса Арчер' is written in a white, sans-serif font. At the bottom, the title 'ОТСУТСТВИЕ СВЕТА' is displayed in large, bold, white, sans-serif capital letters, set against a dark, wavy, black background that resembles a shadow or a pool of water. The overall aesthetic is dark and atmospheric, with a strong focus on the contrast between the light-colored text and the dark background.

16+

Алиса Арчер

ОТСУТСТВИЕ СВЕТА

Алиса Арчер
Отсутствие света

«Автор»

2022

Алиса Арчер

Отсутствие света / Алиса Арчер — «Автор», 2022

Много веков некромант Волот Новгородский идет по следам убийцы своей семьи – зловещего колдуна, одержимого идеей вырастить сад из растений с белоснежными листьями. Враг постоянно ускользает, вынуждая его каждый раз начинать поиски сначала. Но все меняется, когда он поднимает мертвеца, хранящего в своем холодильнике отрезанные человеческие пальцы. Цепь случайных совпадений приводит к непредсказуемым последствиям и вынуждает Волота понять, что зло всегда было гораздо ближе, чем он мог предполагать.

© Алиса Арчер, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Некромант	5
Глава 2. Некромант	8
Глава 3. Некромант	11
Глава 4. Мертвец	14
Глава 5. Некромант	16
Глава 6. Следователь	20
Глава 7. Мертвец	23
Глава 8. Ярослав Матвеев	28
Глава 9. Олег Каширин	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алиса Арчер

Отсутствие света

Глава 1. Некромант

Мертвеца я нашел на обочине, у западной кромки леса, в последний день охотничьего сезона. Блики вечернего солнца на мгновение скользнули к земле и осветили то, что издали казалось обычной кучей мусора. Позволили разглядеть среди веток и кустов очертания человеческого тела.

Притормозив, я оглянулся на Густава. Он неподвижно сидел на заднем сиденье и, кажется, не произнес ни слова с начала поездки. Обычно это не удивляло – болтливостью мой помощник не отличался.

Но сегодня его молчание обнажило неприглядную истину, на которую последние годы я упорно закрывал глаза. Густав сильно сдал, ему необходима замена.

Поэтому, увидев труп, я ни секунды не сомневался.

Я вылез из машины, подошел к мертвецу и внимательно осмотрел. Почти свежий, без явных признаков разложения. Смерть наступила едва ли больше суток назад. Он лежал на животе, повернув голову в сторону шоссе, мутным взглядом уставившись на серую полосу дороги. Бледное лицо запачкано грязью, рот и подбородок в засохшей крови.

Перевернув тело, я пожалел, что не взял с собой Густава. Или хотя бы не захватил перчатки. Живот, грудь и ноги мертвеца покрывала омерзительная корка из крови, ошметков земли и листьев. Где можно было так измазаться? Полз он, что ли? Я посмотрел в глубь леса и увидел примятую траву, потемневшую от крови землю. Действительно, полз. И долго. Кровавый след тянулся насколько хватало глаз. Упорный, видать. Был. Надеюсь, эти качества пригодятся ему и после смерти. Я обернулся на машину, кажущуюся такой близкой, и покачал головой.

У тебя почти получилось, парень. Еще пара десятков метров – и ты выполз бы на дорогу. Немного удачи – и кто-нибудь подвез до больницы. Впрочем, удача давно тебя оставила. Иначе ты не оказался бы здесь в таком жутком виде. И уж конечно, не встретился со мной.

Вернувшись к машине, я попросил Густава помочь. Глядя, как он неуклюже выбирается из автомобиля и пошатываясь идет к мертвецу, я понял, что он вряд ли протянет до конца недели. Я больше не могу поддерживать в нем жизнь. Пришло время снова хоронить друзей.

Я никогда не смеялся над смертью, хоть и очень давно перестал ее бояться. Даже обладая властью поднимать мертвых, не научился относиться к ней легкомысленно. Слишком тесно переплетается смерть с болью и отчаянием, которые всегда достаются живым. И даже спустя много лет тяжелым грузом лежат на душе мои собственные потери.

Густав возвратился, неся на плече бездыханное тело. Я помог ему спрятать мертвеца в багажник и снова залезть на заднее сиденье. С его куртки в машину посыпались комья земли, и я мысленно записал в список дел на сегодня заехать на автомойку. Едва я сел за руль и включил зажигание, помощник заговорил:

– Значит, скоро, – произнес он свистящим прерывистым шепотом. Из-за травмы гортани он постоянно коверкал слова, и я не сразу научился его понимать. Звук его голоса прошелся по коже ледяными иглами, заставив снова ощутить подступающую неизбежность.

– Да, Гус, скоро, – я ободряюще улыбнулся ему в зеркало заднего вида.

– Ты помнишь, что обещал?

– Помню. Я отвезу тебя во Францию, на кладбище Пер-Лашез и похороню в могиле твоей матери. Я сделаю так, Густав. Чего бы мне это ни стоило.

Он кивнул, откинулся на спинку сиденья и не шевелился до самых ворот охотничьего клуба.

– Птицы нет, – бородатый охранник равнодушно покачал головой, когда я протянул разрешение. – Надо было приезжать раньше. Уже все отстреляли.

– Мы ненадолго.

Охранник недовольно нахмурился и хотел сказать что-то еще, но внезапно почувствовал невероятную усталость. Я забрал у него ровно столько жизненной силы, что все его помыслы свелись к долгому крепкому сну. И возиться с двумя припозднившимися охотниками на глухаря расхотелось. Он махнул рукой и скрылся в темноте крошечной бытовки. Я же заехал на опустевшую стоянку и припарковался в самой дальней ее части. Забрал с заднего сиденья рюкзак с инструментами и велел Густаву следовать за мной. Пока он доставал труп, я оглядывал окрестности, пытаясь уловить энергию обитающих в лесу созданий. Найдя то что нужно, кивнул Густаву, и мы углубились в лес.

Шли около часа по глухому сумрачному лесу, избегая указанных на карте маршрутов и троп.

Почувствовав приближение живого существа, я дал Густаву знак остановиться. Он бросил мертвеца на землю и замер под деревом, безмолвный и безразличный к происходящему даже в последние мгновения своей жизни.

Несколько минут я прислушивался к тишине, пытаюсь угадать направление, откуда появится зверь. И одновременно разглядывал мертвое тело. Средний рост, темные волосы, невыразительные черты лица. Из него получится идеальный подручный, когда я закончу ритуал.

Неприметный. Незапоминающийся. Но сначала нужно найти того, кто отдаст ему свою жизнь.

Олень, кабан, волк. Любое животное, чей срок жизни превышает десять лет и чей вес сопоставим с человеческим. Жизненной силы такого зверя восставшему хватит на долгие годы. Если, конечно, не заставлять его прыгать с крыши и останавливать поезда. И, вполне вероятно, он станет моим последним помощником. Уже сейчас, в начале двадцать первого века, найти никем не замеченный труп большая удача. Каждый день сотни людей умирают от разных причин, и лишь немногие удастаиваются чести покинуть этот мир без свидетелей. Вокруг слишком много глаз – и человеческих, и электронных. И с каждым годом скрываться от них все труднее. Поэтому я и тянул так долго с заменой Густава.

Ночь стремительно опускалась на лес, и я занялся мертвецом. Соединил руки перед собой, сконцентрировался. Когда воздух между ладонями стал нестерпимо горячим, направил поток энергии на мертвеца, прогревая тело и возвращая подвижность мышцам и суставам. Через несколько минут тело обрело податливость, кожа мертвеца стала теплой, черты лица немного смягчились. Теперь он выглядел значительно лучше. И, если бы не жуткая бледность и грязь, его можно было принять за спящего.

Я надел перчатки и попытался расстегнуть на мертвецке куртку. Молния, задубевшая от земли и засохшей крови, долго не поддавалась, но в конце концов разошлась с громким чавкающим звуком. Моим глазам открылось печальное зрелище. Торс и живот мертвеца были покрыты глубокими ранами. Я насчитал четырнадцать разрезов, нанесенных, по всей видимости, армейским ножом с широким зазубренным лезвием. Неприятная смерть. Меня всегда удивляло стремление людей к изощренному истреблению себе подобных. За восемь столетий, что я наблюдаю за ними, человеческая суть не изменилась. Им всегда нравилось топить друг друга в крови. Что ж, если восставшему удастся вспомнить, кто сотворил с ним такое, – возможно, я позволю ему отомстить.

Я достал из рюкзака ножницы, медицинские иглы и катушку шелковой нити. Разрезал на мертвце футболку и зашил раны плотными тугими стежками.

Из самых глубоких разрезов все еще сочилась кровь. Значит, он умер совсем недавно. Тем лучше для меня. Не придется обучать элементарным вещам.

Я отложил инструменты, привел одежду будущего помощника в приличный вид и занес руки над головой и телом мертвца. Забрал последние, едва ощутимые искорки жизненной силы, что еще оставались в клетках организма, высосал досуха жизнь из бактерий и микроорганизмов, останавливая неизбежный процесс разложения. Довел тело и почву под ним до состояния абсолютной биологической смерти – полной медицинской стерильности. Теперь оставалось только ждать.

Спустя минуту или две справа послышался треск валежника. Кто-то осторожно шел через лес, легко ступая по отсыревшей траве. Моя неизбежная необходимая жертва. Я замер на месте, боясь неосторожным движением спугнуть животное. И вскоре увидел мелькающие среди деревьев рога. Олень. Его тревожный внимательный взгляд блуждал по стволам и кустарникам, пытаясь отыскать в темноте возможного врага. Он выглядел как напряженная стрела, готовая вот-вот сорваться с тетивы. Один случайный звук – и он бесследно исчезнет в чаще. Я дождался, когда он подойдет ближе, и начал потихоньку вытягивать из него силу. Почувствовал, как она перетекает из его сильного тела в мое, принося зверю сперва лишь легкую усталость. Расслабленность, переходящую в желание остановиться и лечь на траву. Движения оленя стали медленными, тяжелыми. Он неуверенно переступал ногами, потряхивал головой и фыркал, но вскоре уступил охватившей его дреме и улегся на землю. Я позвал Густава, велел ему перенести тушу поближе к мертвцу. Хотел поделиться энергией и с ним, но не решился. Он давно уже стремился уйти и воспринял бы мое желание помочь как попытку задержать его в этом мире. И мне не хотелось омрачать его последние часы недоверием. Поэтому я просто смотрел, как он взваливает оленя на плечо и несет сквозь кустарник. Я отметил и бережность, с какой он опустил оленя на землю. словно ощущал разницу между живым и мертвым телом. И своей осторожностью выражал сочувствие тому, чью жизнь я собирался прервать.

Густав отошел в сторону, и я начал ритуал. Я чувствовал, как энергия проходит сквозь меня, опустошая одно тело и наполняя другое. Видел, как шерсть оленя слегка подрагивает в такт его дыханию. Радужные искры мелькали перед внутренним взором, рождая блаженство, переходящее в эйфорию. Весь мир сузился до размера искрящегося живительного Потока. Он был горячей волной и в то же время ледяной бездной. Мягким бархатом и колючим ветром. Началом и концом. Жизнью и смертью. Вечностью и...

– Что же ты делаешь, сволочь! – нестерпимо громкий крик разорвал тишину на тысячу осколков, скомкал безмолвие, оглушил, вонзился в сознание. Сияние Потока исчезло. Я почувствовал жесткий удар по затылку, от которого внутри головы словно что-то раскололось. Кости черепа будто разошлись в стороны, и в образовавшееся пространство хлынула тьма. Бесконечная, как сама Вселенная. И такая же равнодушная.

Глава 2. Некромант

– Да клянусь тебе, он просто встал и пошел. Вот тебе крест, я не вру, – звуки возвращались, бесцеремонно вторгаясь в уютную тишину. Голос был сиплый, простуженный, неприятный.

– Семеныч, отвали! – отвечал другой, более молодой и звонкий, до краев наполненный яростью.

– Я своими глазами видел! На святом распятии поклянусь, только поверь!

Сознание прояснялось. Я ощутил, что лежу на холодной твердой земле, а затылок пульсирует жуткой болью. Что произошло?

– Он убил его! – снова затянул хриплый голос. – Я видел! Да послушай же меня! Тут убийство!

Воспоминания возвращались медленно, разгоняя мутную пелену беспамятства. Ночной воздух щекотал ноздри, принося тонкие ароматы хвои и прелой листвы.

– Иди проспись! Какое убийство? – молодой голос плюнул злобой и начал удаляться. – Я даже незаконную охоту на него повесить не могу. На олене ни царапины!

Я резко открыл глаза. Осознание тяжелой волной прокатилось по венам и свернулось тугим комком в районе солнечного сплетения. Ритуалу помешал человек! Кто-то видел, как я колдовал над телами. Но как он подобрался ко мне так близко? И где, черт возьми, Густав?

Я громко застонал, привлекая внимание говоривших. Медленно перевернулся на спину и сел. Всем своим видом я изображал растерянного, страдающего человека. И, надо признаться, это было несложно. Голова болела так сильно, что хотелось лечь и не шевелиться, по крайней мере, до второго пришествия. Казалось, что даже думать больно. Чем же он меня приложил?

– Как вы себя чувствуете? – молодой голос звонко ударил в ухо, заставив меня поморщиться. Надо мной склонился человек в форме охранника охотничьего клуба. Не тот, что был в сторожке у ворот. Гораздо сильнее и... чище.

Он протянул руку, и, ухватившись за нее, я со стоном поднялся. Огляделся и почти сразу увидел Густава. Он стоял под большим деревом, скрестив руки на груди, и в глазах его переливались тени торжества. Значит, он видел, как ко мне подобрался человек. Видел и ничего не предпринял.

А вот того, кому я отдал силу оленя, на земле не было. Значит, восставший пришел в себя.

– Как вы себя чувствуете?

Я обернулся к охраннику, поймал его тревожный взгляд. Заметил позади скрюченную фигуру.

– Голова болит.

– Простите ради бога! Мы уж не ждали никого! Конец сезона... Вот Семеныч и расслабился. Напился и пошел по лесу бродить. Увидел вас и... в общем... привиделось ему.

– Да, мы с приятелем решили прогуляться напоследок. Вдруг удалось бы найти хоть пару птиц. В темноте потеряли тропу и заблудились. А потом увидели оленя.

– Да, ваш друг рассказал нам, – охранник кивнул в сторону Густава. – Это удивительно! Благородный редко показывается людям, их популяция в хозяйстве очень мала. Мы только недавно начали их разводить.

– А что с ним? – я взглянул на неподвижно лежащего возле кустов оленя.

– Понятия не имею, – охранник поднял фонарик и яркий луч осветил слабо вздымающийся бок.

– Похоже, он просто спит.

– Он так и лежал, когда вы его нашли?

– Да, мы...

– Ты врешь! Ты что-то сделал с ним! – Семеныч так стремительно надвинулся на меня, что я вздрогнул. Мерзкий алкогольный запах ударил в нос, вызвав новую волну одуряющей головной боли. Я отвернулся, едва сдерживая тошноту.

– Я видел! Ты что-то сделал! С оленем... и тем человеком.

– Семеныч, успокойся! – охранник раздраженно отодвинул приятеля плечом. – Уймись! Нам и так проблем хватает! Извините! – снова обратился ко мне, вставая между мной и Семенычем.

Я отстраненно покачал головой и опустил на землю. В голове словно перекатывались металлические шарики, сминая мысли и образы. Чтобы восстановиться, мне нужно время. А его оставалось очень мало. Где-то в лесу бродит восставший мертвец, и я должен найти его раньше, чем он доберется до города.

– Вы вызвали полицию? – я взглянул на охранника, пытаюсь сообразить сколько времени был в отключке. Последний раз я смотрел на часы еще в машине, перед парковкой. Было двадцать минут девятого. А сейчас почти рассвело... значит, никак не меньше четырех утра. И принесла же нелегкая этого Семеныча.

– Пока нет, – охранник заметно напрягся и отвел глаза. На такую реакцию я, честно говоря, и надеялся. Неприятности им не нужны, никто не хочет быть замешанным в нападении на клиента элитного охотничьего клуба. Да и столь крепко спящий олень наверняка вызовет интерес проверяющих организаций и эпиднадзора. Нет, полицию вызывать они не станут. Предпочтут закрыть глаза на все странности и просто забыть. Разве что Семеныч расскажет обо всем своим собутыльникам. Но поверят ли ему? Что он, собственно, видел? Поток человеческим глазом не различишь. Для него я просто стоял, занеся руки над оленем и трупом человека. Который уже вроде как и не труп, раз встал и убрел в неизвестном направлении. Олень все еще жив. И о том, что осталось ему недолго, никто знать не может. Так что – если не брать во внимание тот факт, что я потерял восставшего, – все не так уж и плохо.

– Я говорил с начальством, – не глядя на меня, промямлил охранник. – В качестве извинений клуб готов вернуть вам членские взносы за последние три года. И предложить обслуживание по VIP-тарифу на следующие сезоны. Если вы согласитесь обойтись без полиции.

– А если нет? – я задал вопрос, пристально вглядываясь в покрасневшую физиономию охранника. Со стороны клуба предложение было не слишком щедрым, но в целом я был доволен. И разыгрывал спектакль исключительно для Семеныча, не отводившего от меня злобного взгляда. Нужно хорошенько напугать его, заставить почувствовать неуверенность. И заодно выяснить, в какую сторону направился мой будущий помощник.

– Ваш сотрудник ударил меня по голове, – я осторожно ощупал ссадину на затылке. – Он считает, что видел что-то, что позволило ему напасть на меня. Почему бы не вызвать полицию и не разобраться во всем?

Семеныч подался вперед, торжествующе поднял палец и снова затянул:

– Я видел! Там лежал человек! – он указал пальцем на место между двумя соснами, куда Густав бросил мертвеца. – Ты убил его!

– И где же он? – я осторожно покрутил головой и сморщился от нового приступа боли. – Куда он делся?

– Да заткнись ты! – охранник, казалось, был готов поднять руку на назойливого старика. Семеныч торопливо отошел на несколько шагов и продолжил:

– Он лежал между теми деревьями. Сначала неподвижно, а потом начал дергаться. Я хотел подойти к нему, но тут чертов фонарь погас! Я включил его, а этот уже на ногах стоит.

– Мертвец? – я вложил в вопрос столько сарказма, что будь он глотком воды, непременно вызвал бы язву желудка.

– Да! – воскликнул Семеныч. И осекся.

Его мозга наконец коснулось понимание: то, что он видел, – абсурдно и невозможно. Совсем скоро нестыковки и противоречия заставят его отказаться от версии с убийством, и он сам поверит, что все напутал. Алкоголь довершит разлад, и через пару недель Семеныч и не вспомнит о том, чему стал свидетелем.

– Но я видел... – протянул он уже не так уверенно. Во взгляде промелькнуло сомнение, он густо покраснел и отвернулся.

– Все ясно, – я пожал плечами и обратился к молодому охраннику: – Если я вызову полицию – его уволят?

– И не только его, – почти простонал он в ответ. – В разгар сезона уже был случай. Приехали ребята, ну мы сдуру и выпили с ними. Вроде знакомы давно, отметили удачную охоту. Сам не знаю, как так получилось, но...

– Ладно, черт с вами! – я не стал слушать сбивчивых объяснений. Этот недолгий разговор словно высосал из меня все силы. Да и рана на голове настойчиво требовала внимания. Было тошно. И от боли, раскалывающей затылок, и от необходимости делать вид, что без посторонней помощи из леса мне не выбраться. Я поднялся на ноги и посмотрел по сторонам, выбирая направление.

– Я провожу, – охранник мгновенно оказался рядом. Готов поспорить, он в лепешку расшибется ради того, чтобы мы убрались отсюда как можно скорее и как можно дальше. Не отцепится, пока ворота клуба не закроются за нашим автомобилем. Будет вежлив и обходителен. И лишь потом выпустит пар. Что будет с Семенычем, я думать не хотел. Он доставил мне больше неудобств, чем кто-либо другой за последние двести лет. И я не знал, к чему это приведет.

До стоянки шли в полном молчании. Густав отставал и спотыкался, но я ни разу не остановился, чтобы его дождаться. Охранник тоже спешил, хмурился и угрюмо оглядывался, словно боялся, что я исчезну за его спиной. Только у самой машины, перед тем как я сел за руль, он вдруг указал на Густава и задал вопрос:

– А почему ваш друг так странно разговаривает?

– У него была операция, – я скормил ему давно придуманную ложь. – Рак гортани.

Он кивнул, торопливо попрощался и открыл ворота.

– И чего ты добился? – спросил я Густава, когда мы выехали на шоссе. – Только увеличил себе срок службы.

– Я надеялся, ему удастся то, чего не могу сделать я сам, – тихо ответил он.

– Ты надеялся, что он убьет меня? Seriously?

– Да.

Невероятно! За столько лет он так и не изменил своего отношения ко мне. Не научился принимать мой дар с благодарностью. Я покачал головой и ухмыльнулся собственной наивности. Чего я ожидал от восставшего? Что он станет мне другом? Тот факт, что в последние столетия я чаще общался с мертвыми, чем с живыми, говорит лишь о моей ненормальности и ни о чем другом. Это я переношу на них чувства, которые должен испытывать к живым. Привязываюсь к ним. Считаю их друзьями. Скорблю по ним, когда приходит их срок. Скучаю. А они видят во мне лишь хозяина. Злобное чудовище, воле которого они обязаны подчиняться. Врага, который держит их в плену. И никогда не отпустит.

– Садись за руль, – я остановил машину у небольшого пролеска и пересел на заднее сиденье. Открыл окно и попытался разглядеть среди деревьев тонкую вуаль Потока. Если восставший проходил здесь, я почувствую текущую в нем энергию. И буду следовать за ним по невидимым меткам, пока не достигну.

Глава 3. Некромант

Четкий след Потока я обнаружил лишь спустя три четверти часа. Он петлял между деревьями, вился серебряной рекой, исчезал и появлялся снова. Несколько раз я просил Густава остановиться, выходил из машины и шел в глубь леса, пытаясь определить направление. Сомнений не было – восставший упорно двигался к городу.

Как и все недавно ожившие мертвецы, он исполнял последнюю заданную разумом программу. Пытался выбраться, спастись от смерти. А может быть, просто шел домой.

За долгие годы изучения восставших я заметил одну особенность. Они стремятся вернуться к месту, которое считали своим домом. Так Густав поначалу все время рвался к матери, хотя уже несколько месяцев жил со своей невестой на юге Франции.

Мысль о помощнике отозвалась неприятной болью в груди. Густав... мой самый удачный и самый строптивый ассистент. И, в каком-то смысле, самый живой из всех, кого мне доводилось поднимать.

Мне понадобилось время, чтобы вычислить оптимальный срок, после которого воскрешение мертвеца не имеет никакого проку. Я экспериментировал со стадиями разложения, пару раз поднимал даже тех, от кого остались одни кости. Наблюдал, как их тела корчатся на земле, дергаются, словно под ударами электрического тока. Лишенные мышц суставы и сухожилия не могли заставить скелет полноценно двигаться.

Гниющая плоть не удерживала импульс Потока. Слепые и безучастные к моим приказам, они были бесполезны. Да и внешний вид таких помощников внушал отвращение. Идеальное время – первые сутки после смерти, когда мертвец практически неотличим от живого. Чем ближе был час воскрешения к моменту смерти, тем больше памяти, воли и разума оставалась у восставшего. Я всегда подозревал, что это связано с разрушением тела, но лишь в двадцатом веке мои догадки подтвердились. Возможности живого мертвеца напрямую зависели от сохранности его мозга. С каждой погибшей клеткой нейронная сеть теряла способности к проведению импульса. И даже моя темная сила не могла игнорировать анатомию.

Густава я нашел спустя всего пару часов после того, как его повесили на ветке старого бука близ маленькой деревушки в Нормандии.

Услышал нервное лошадиное ржание и, свернув с дороги, увидел на земле тело. Обрывок веревки, привязанной к толстому суку, чуть заметно покачивался и давал ясное представление о том, что произошло. Чистокровный английский жеребец очень темной гнедой масти тыкался мордой в грудь мертвеца, отказываясь понять, почему хозяин молчит. Он выглядел особенно красивым рядом с моей невзрачной серой кобылой. Я спешил и подошел к коню, погладил черную с проседью гриву. Достал из седельной сумки ломоть хлеба. Я всегда любил лошадей – за преданность и покладистый нрав. И мне совсем не нравилось то, что предстояло сделать. Когда я закончил, солнце клонилось к западу и тени деревьев едва касались лица убитого. Словно чертили границу между миром мертвых и тем, кто отныне к нему не принадлежал.

Я увез Густава раньше, чем он пришел в себя. И о судьбе своего коня он никогда меня не спрашивал. Хотя, возможно, и догадывался, чью жизнь я забрал, чтобы его поднять. Через много лет я узнал, что красавец Пайро был любимцем его отца и желанным подарком для сына. И, кто знает, может, Густав так и не смог простить мне его гибели.

Я закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. На секунду погрузился в безвозвратное прошлое, пахнущее домом и теплым хлебом. Боль в затылке немного отступила, словно место в моих воспоминаниях даровало мне силу исцеления. Хотелось раствориться в этой непривычной легкости, но иллюзия была недолгой. Я почувствовал концентрацию Потока, бурлящую стихию, присущую лишь тем, кто ожил совсем недавно. Значит, я почти достиг своей цели.

Утренний лес казался прозрачным, но восставшего видно не было. Я велел Густаву притормозить и направился к мерцающему среди деревьев Потоку. Судя по серебристым следам, мертвец какое-то время просто стоял на одном месте, словно собираясь с силами или размышляя о чем-то. Меня охватило тревожное чувство. Еще никогда я не терял тех, кого поднимал из мертвых.

Я наблюдал за ними с первой секунды, как к ним возвращалось сознание. Помогал принять новую жизнь, преодолеть растерянность. Объяснял все что требовалось и заодно оценивал, сколько разума удалось сохранить восставшему. Я всегда мог понять – получится ли из мертвеца толковый помощник или мне стоит поискать другого. Но сейчас... Я упустил важнейшие часы. К тому же не завершил ритуал. Не успел стабилизировать энергию Потока. И теперь с каждым шагом восставшего она выплескивалась и рассеивалась в солнечных лучах. Возвращалась в изначальное неустойчивое состояние.

Я еще раз оглядел деревья. Серебристые пятна уходили далеко вперед, отмечая путь мертвеца, словно капли крови. Может быть, для него ничего не изменилось? И он все еще надеется выйти к людям? Допустить этого я не мог. Восставшему не место среди живых. Если не получится использовать его как помощника, он должен окончательно умереть. Я поплелся обратно к машине, проклиная сегодняшнюю ночь, так внезапно возникшего Семеныча и, конечно, предателя Густава. И чуть не споткнулся о взерошенное воронье тельце. На смятых перьях отчетливо виднелись следы Потока. Сама же птица была полностью опустошена. Вероятно, она подлетела слишком близко к застывшему посреди леса мертвецу, и он впитал ее жизненные силы. По коже прокатился неприятный холодок. Скверно. И смертельно опасно для любого существа, которое окажется на пути восставшего. Он будет забирать жизни, пока не получит достаточно энергии для стабилизации Потока. Не достигнет баланса, при котором Поток способен сам сохранять себя, противостоять неизбежному рассеиванию.

Все в этом мире подчиняется физическим законам. Магии не существует. Есть лишь движение и взаимодействие энергии. То, что кажется волшебством, на самом деле результат кропотливой работы, бесконечное оттачивание навыков заимствования энергии и перенаправления ее в нужное русло. Чтобы овладеть им, мне потребовалось сорок лет. И еще столько же, чтобы научиться управлять энергетическими потоками живых существ, незаметно отбирая их жизненную силу. И обеспечить себе фактическое бессмертие. Я действовал бережно, забирая лишь крошечную часть огромной силы, сокрытой в каждом создании. И никогда не трогал старых и больных. Чтобы восполнить потерю энергии, человеку или животному достаточно было выспаться и хорошенько поесть. Я же получал бодрость, здоровье, вечную молодость.

Но у всего на свете есть своя цена.

Поток представляет собой одну из форм энергетического излучения. Нечто схожее со световой или тепловой энергией, но несколько иного рода. Он поддерживает равновесие в обменных клеточных процессах, препятствуя старению и естественному увяданию организма. Но не способен лечить болезни и исцелять раны. Если я сломаю руку, кости срастутся с обычной для человека скоростью. Если сломаю позвоночник, стану вечно молодым инвалидом. Или умру. Любая серьезная травма будет препятствием для полноценной жизни. Я могу умереть от воспаления легких или лихорадки Денге. Могу ослепнуть, оглохнуть, лишиться ног.

Но самая большая ирония в том, что после каждого недуга мое тело способно принять все меньшее количество энергии Потока. Организм тратит на исцеление собственные ресурсы и неизбежно изнашивается.

Я все-таки старею и слабею, хотя и значительно медленнее, чем обычный человек. И поэтому мне необходим тот, кто возьмет на себя большую часть работы. Кто может стоять под дождем несколько часов подряд, спать на ледяном полу, носить тяжести. Мне нужен помощник. Слуга. Некто бессловесный, беспрекословно выполняющий приказы. Не способный сопротивляться и протестовать. Живые мало годятся на эту роль, хотя большинство моих

собратьев по способностям со мной не согласятся. Поэтому и меняют марионеток каждое десятилетие. Я же предпочитаю более длительное и приятное сотрудничество. Без постоянного соперничества, ненужного и утомительного контроля над личностью.

Безусловно, помощники из мертвецов получались весьма специфические. И механизмы воскрешения даже спустя столько лет изучения оставались мне непонятны. Восставшие получали возможность управлять своим телом, могли слышать и видеть, сохраняли воспоминания и способность мыслить. Но начисто лишались любых чувств и эмоций. Было ли это связано с отсутствием сердцебиения и продуцирования гормонов, я не знал, да и в целом это не имело для меня значения. Чем меньше они походили на людей, тем проще мне было считать их всего лишь удобными инструментами, не нуждающимися ни в понимании, ни в сочувствии.

Густав посигналил, и я вернулся в машину. Он прав: не время торчать в лесу. Чем быстрее мы найдем восставшего, тем скорее все закончится. Я получу нового помощника, а Густав – смерть, которую он упорно именовал свободой. Я открыл переднюю дверцу и швырнул птичье тельце на сиденье рядом с водителем.

– Знаешь, что это? – я подождал, пока Густав повернет голову и посмотрит на ворону.

– Птица, – он вновь уставился в лобовое стекло.

– Пустая птица. Ты позволил охраннику вмешаться в ритуал. И теперь мертвец высосет каждого, кого встретит. В лесу или в городе.

– Ты обещал, что я буду твоим последним рабом. Что больше никого не заставишь служить тебе. Ты обманул.

– Твое тело больше не удерживает Поток. Мне нужен новый помощник. – Я сел рядом с Густавом и захлопнул дверцу. – И сейчас, когда я как никогда близок к тому, чтобы найти Новака, я не могу сдать. Только не сейчас, Густав!

Я выкинул птицу в окно и достал из бардачка две таблетки ибупрофена. Запил из пластиковой бутылки и снова повернулся к помощнику.

– Я отпущу тебя, как только догоним восставшего. Нужно закончить ритуал раньше, чем кто-нибудь умрет. И если ты не готов помогать, то хоть не мешай! Договорились?

– Я помогу. В последний раз. – Густав завел двигатель, и машина тронулась с места. Я не отрывал взгляда от обрывочных переливающихся ручейков Потока и думал о тех, кому не повезет встретиться этим утром с восставшим. Эти люди погибнут по моей вине. И, к сожалению, они будут не первыми, кого я не успел спасти.

Глава 4. Мертвец

Собачья свора еще издали заметила бредущего вдоль дороги человека. Сначала незримый ветер принес его запах, затем – гулкие звуки шагов. Теперь за ним пристально наблюдали восемь пар глаз. Пустырь за заброшенным машиностроительным заводом с начала весны безраздельно принадлежал только стае. И звери не жаловали гостей. Полночи они рыскали по свалкам в поисках пропитания и лишь под утро собрались, чтобы разделить друг с другом прохладный рассвет и чувство постоянного голода. Людей никто из них не боялся. Несколько нападений на окрестных бомжей убедили собак в том, что одинокий человек беспомощен и слаб. Желанная легкая добыча.

Коричневый вожак – самый крупный и злобный во всей своре – поднялся на ноги и не отрывая взгляда от спотыкающейся фигуры, угрожающе зарычал. Звук его голоса подействовал на остальных, собаки вскочили и заматались по пустырю, выискивая удобную позицию для нападения.

Но человек не остановился. Шел, еле переставляя ноги, оступаясь и пошатываясь, будто пьяный. Он не обратил внимания ни на первое предупреждающее рычание, ни на последовавший за ним угрожающий многоголосый рев. Словно не видел и не слышал оскалившую зубы собачью стаю. Такой наглости коричневый вожак стерпеть не мог. Рванувшись вперед, он в два прыжка преодолел расстояние до дерзкого гостя, бросился на него, вцепился зубами в ногу выше колена. Резко дернув, повалил на землю. Глухой удар свалившегося тела послужил сигналом для всей своры. Собаки накинулись на человека.

И лишь одна, хромая и самая тощая, не успела добежать. Прыгая на трех лапах, она спешила к месту пиршества с дальнего конца пустыря. И успела пробежать всего половину пути, когда возбужденный яростный рык внезапно оборвался. Собака замерла, удивленная возникшей тишиной. Она видела лежащего человека и своих собратьев вокруг него. Окружив жертву, они попадали на землю и больше не шевелились.

Хромая осторожно приблизилась к вожаку, принялась, вильнула хвостом. Она устала, так устала от бесконечной борьбы за выживание. Собственное тело стало невыносимо тяжелым, перед глазами поплыли темные круги. Собака свернулась в клубок, прижавшись рыжим боком к спине вожака и закрыла глаза. Голод отступил, и палящее раскаленное солнце словно погасло, погружая ее в ледяную нескончаемую тьму.

Человек еще какое-то время лежал неподвижно, затем, будто придя в себя, схватился за живот и застонал. С трудом сел, уткнулся головой в колени, что-то неразборчиво пробормотал. Поднял голову и отшатнулся, увидев окруживших его собак. Отполз на несколько шагов и осторожно встал. Город был совсем рядом. В сотне метров, за редкими деревьями, он видел красочную вывеску супермаркета. Не поворачиваясь к собакам спиной, человек медленно отступил за облупившуюся стену завода. Переждал минуту и, убедившись, что его не преследуют, направился к магазину.

На безлюдной парковке ветер играл целлофановыми пакетами, изорванными газетными страницами, скрипел крышками пустых мусорных баков. В разбитых стеклах витрин отражались тяжелые облака. Человек остановился, растерянно оглядываясь по сторонам. Вернулся к шоссе и вновь пошел по дороге. Далеко впереди мелькнул желтый автомобиль – свернул на одну из боковых трасс и пропал из виду. Человек ускорил шаг. Он почти бежал, не осознавая, что движется слишком быстро для человека. Через несколько минут он достиг поворота, за которым исчезла машина, и увидел припаркованное на обочине такси. Из открытого окна клубилась струйка сигаретного дыма. Человек бросился к автомобилю, заглянул в окно и, коверкая слова, прохрипел: «Помоги».

Испуганный таксист от неожиданности поперхнулся, выронил сигарету и, матерясь, уставился на незнакомца. После бессонной ночи бледное грязное лицо показалось ему нереальным, но, когда первый шок отступил, он понял, что перед ним обычный бродяга. Затушив ботинком упавший окурок, таксист нажал на кнопку стеклоподъемника и с удовлетворением откинулся на спинку сиденья.

– Помоги! – снова прохрипел оборванец.

– Отвали!

Таксист закрыл окно и сквозь стекло начал разглядывать бродягу. На бомжа не похож, на пропойцу тоже. Да и куртка не из дешевых – черная кожа, на груди логотип известного бренда. На его зарплату такую не купить. Но чудовищно грязная. И как будто в крови. Что, если это какой-нибудь мажор? Ночью гонял на предельной скорости, разбился и теперь просит помощи. Интересно, есть ли у него деньги?

Поразмыслив, таксист опустил стекло.

– Что случилось?

– Д-д-дай т-т-те-е-елефон!

– Нет телефона. Разрядился. – Таксист высунулся из окна, рассматривая странного типа. Точно не бомж. Джинсы и кроссовки грязные только спереди и изношенными не выглядят. Рукава куртки разодраны, с правого бока свисает вырванный карман.

– Э-э-э, так на тебя собаки напали! – охнул таксист, вспоминая, как неделю назад видел огромных псов, шныряющих по мусорной куче за заводом.

– Н-нужен телефон.

– Садись назад! Довезу до больницы!

Он разблокировал двери и повернул ключ в замке зажигания. По всему телу разливалась неприятная слабость, но таксист не обращал внимания на физический дискомфорт. Не в первый раз он работает после ночной, и, быть может, в благодарность за помощь родители этого мажора, или он сам, подкинут ему денег. Так бывает не только в кино. Должна же и ему когда-то улыбнуться удача. Главное – не упустить свой шанс. Он посмотрел в зеркало на устроившегося на заднем сиденье пассажира. Какой же у него ошалелый вид. И глаза безумные. Наркоман он, что ли?

Таксист вырулил на дорогу и, борясь со сном, помчался к городу. Он не замечал, что машина виляет из стороны в сторону, резко ускоряясь и почти останавливаясь, когда он путал педали. Мир стремительно терял четкость, расплывался перед глазами, угасал. Дрожавшие руки с трудом удерживали руль. Он закрыл глаза всего на мгновение, на секунду. И уже не почувствовал жестокого удара о фонарный столб.

Глава 5. Некромант

Солнечный луч скользнул по лицу и застыл на веках. Погладил кожу горячими пальцами, вырвал из плена тягучего сна. И придавленный невесомым светом, я, замешкавшись открыть глаза, поддался магии момента. Позволил ощущениям обмануть время, на миг унести меня в прошлое. Словно и не было этих столетий, наполненных яростью и отчаянием, словно я все еще молод и впереди целая жизнь.

Пока закрыты глаза, я могу быть тем человеком, что безмятежно смотрит в будущее и еще не знает, что случится в следующую минуту. Могу радоваться неизменному прикосновению солнца к лицу. Пока закрыты глаза, я могу верить, что тьма в душе – лишь отголосок дурного сна, который истаёт раньше, чем я успею его вспомнить.

Я открыл глаза, отбрасывая тени прошлого. Глубоко вдохнул, пытаюсь отвлечься и унять дрожь. Так давно я не переступал этой черты в своих воспоминаниях. И не оттого, что начал забывать. А потому, что слишком хорошо помнил.

За окном мелькали заборы, бетонные блоки, кучи мусора. Мы подъезжали к городу. С правой стороны высилась огромная свалка. Следы Потока встречались все реже – основную часть силы мертвец уже истратил. И я позволил себе расслабиться, понадеявшись, что энергия у него закончится прежде, чем случится непоправимое. Эта ночь вымотала меня, я то и дело проваливался в сон, повинуюсь убаюкивающему шуршанию колес по асфальту. И почти дремал, когда Густав неожиданно затормозил. Посмотрел в окно и увидел небольшой пустырь. По нему, ослепительно сверкая, текли потоки ртути.

Сердце тяжело ударилось о ребра. Я пытался разглядеть за серебристыми пятнами тела, но перед глазами плясали разноцветные огоньки. Воздух, словно горячий пар, жег легкие, по вискам катились капли пота. Я хотел выйти из машины, но Густав тронул меня за плечо.

– Это собаки, – произнес он, не поворачивая головы.

С минуту я просто сидел, переводя дух. Несмотря на мою веру в абсолютное равенство всех существ в праве на жизнь, мысль, что по моей вине погибли животные, а не люди, принесла облегчение. Разум нашел уловку для успокоения совести. Всего лишь бродячие собаки. Могло быть хуже.

Гораздо хуже. Я уже видел подобные выплески Потока. В местах военных конфликтов, массовых автомобильных аварий. И там, где побывал Новак.

– Поехали, – кивнул я Густаву. – Перехватим его в городе.

– Ты все еще видишь след?

– Да.

В его вопросе слышалась неловкость. Вероятно, только увидев мертвых собак, он осознал последствия своего порыва. И в другое время я обязательно как-то бы его поддержал, нашел слова утешения. А сейчас промолчал. Тугой комок, свинцом лежащий на внутренностях с раннего утра, никак не рассасывался, и мне не хотелось тратить силы. Впереди был трудный и долгий день.

Поток тонкой вуалью тянулся вдоль дороги и терялся в городе. Меня тревожило упорство мертвеца. Не думал, что он выберется из леса. Он шел слишком быстро, а значит, неосознанно использовал силу Потока. Как же так? Его желание спастись было сильнее смерти? Или за прошедшие годы люди так изменились, что собственная гибель уже не является поводом отложить дела? От этой мысли по коже пробежал холодок.

Автомобилей вокруг становилось все больше, и вскоре движение полностью остановилось, мы встали в пробку. Обычное дело для восьми утра, однако я чувствовал, что затор как-то связан с восставшим. И через полчаса, увидев место аварии, понял, что прав. Две

полосы дороги были оцеплены, и за полицейскими машинами виднелось развороченное такси. Передняя часть автомобиля обнимала покосившийся фонарный столб, лобовое стекло вылетело и, блестя осколками, свисало с изуродованного капота. Обе двери со стороны дороги были открыты, обнажая грязноватый салон. На заднем сиденье невидимым пассажиром переживался стук Потока. По всей видимости, таксист, увидев на дороге раненого человека, решил помочь. За что и поплатился жизнью. Солидный камень в теорию воздаяния тому, кто совершил благое дело.

Я снова подумал о мертвце, представил его идущим по городским улицам. Кто остановится узнать, что с ним случилось? Кто скажет: «Эй, приятель, ты выглядишь так, словно тебя убили этой ночью»? Один из тысячи? Двое? А сколько решат, что не следует лезть в чужую жизнь? Бездействие – универсальная полумера. Преимущество и проклятие больших городов.

Поток свернул с шоссе и запетлял между домами. Я пересел за руль. Ехал медленно, игнорируя возмущенные гудки водителей, спешащих как можно быстрее попасть из одного пункта назначения в другой. Серебристая лента дразнила, маскируясь в солнечных лучах. Два раза мне казалось, что путь закончен, но сияние продолжалось, взблескивало в нескольких метрах впереди, призывая следовать за ним. И я так погрузился в игру света с Поток, что едва не пропустил нужный дом. Дверь скрывалась в тени раскидистых вишен, на лавочке у крыльца беседовали две старушки. Я проехал мимо, боковым зрением успев отметить, как сверкает панель кодового замка. Лишь спустя минуту до меня дошло, что это пятна Потока. Я припарковал автомобиль и, велел Густаву оставаться внутри, пошел к подъезду. Достал телефон, сделал вид, что увлекся разговором. Сам же не отрывал взгляда от кнопок домофона, пытаясь считать код. Цифра четыре горела ярче других, значит мертвец нажимал ее два раза. Седьмая – самая тусклая, ее он нажал первой. Тройка, единица и девятка светились примерно одинаково. Равно как и буква В. Я попробовал пару комбинаций, начинающихся с семерки и содержащих две четверки. Не сработало. Что же делать? Решил обратиться за помощью к старушкам, но дверь запицала и начала открываться. Толкая перед собой коляску, на улицу вышла молодая женщина. Я дождался, пока проход освободится, и, не отрывая мобильник от уха, прошел в подъезд. Здесь меня ждало разочарование. Следы Потока вели не к лифту, а на лестницу. Черт! Ненавижу лестницы! Мне почти восемьсот лет. Семьсот девяносто три года, если быть совсем уж точным. И я их чувствую, несмотря на то, что выгляжу на пятьдесят.

Я поднялся до пятого этажа и перевел дух. По обе стороны от лифта на железных дверях стояли числа. С двадцать девятого по тридцать шестое. Значит, квартира с номером, начинающимся на семь, должна быть не ниже десятого этажа. Я мысленно застонал и поплелся дальше. В затылке снова просыпалась боль, и с каждой ступенью мне в голову словно забивали крошечный гвоздь. Где-то в доме громко залаяла собака. Глухо заскрежетал лифт.

Я преодолел последний пролет и отдышался. Здесь Поток раздваивался. Большая его часть протекала в приоткрытую дверь справа, но тоненький ручеек поднимался на верхние этажи. Странно. Я заглянул в коридор – Поток клубился и мерцал у двери в квартиру семьдесят четыре. Он почти принял форму человеческого тела. Я подошел ближе, прислушался. Тишина. Плотное молчание дома в спальном районе. Снова взглянул на лестницу. Меня не покидало ощущение, что я в ловушке. Зачем восставшему идти наверх? Перепутал этажи? Я присмотрелся к Поток, казалось, он истончался к верхней ступени. Дальше тянуть бессмысленно, я решился и подошел к двери квартиры. Нажал на ручку, потянул на себя. Открыто. Неудивительно – все мертвцы рассеяны в мелочах.

В прихожей не горел свет, но на полу отчетливо выделялись черные комки грязи. Я бесшумно вошел. Две комнаты по одной стороне, узкий коридор ведет в крошечную кухню. Знакомая планировка. В похожей квартире мы с Густавом прожили двенадцать лет. Я вытянул руки, призывая Поток. Нужно ослабить восставшего, лишить его возможности двигаться. И только потом предложить сотрудничество. Теплые ручейки согрели ладони, но закончились

так неожиданно скоро, что я несколько секунд водил руками по воздуху. Словно мог нащупать и поймать потерянное течение. Я пошел вперед, уже понимая, что в квартире никого нет. Затылок застонал в унисон с досадой. Я заглянул в комнаты, в кухню, в туалет. Нашел в ванной промокшую грязную одежду. Голова кружилась, изнутри поднималась дрожь. Мир пошатнулся, и я схватился за стену, чтобы не упасть. Вернулся в кухню и сел на стул. Вспомнил, что ничего не ел уже почти сутки. Позвонил Густаву, назвал номер квартиры, велел подняться. Мы останемся здесь и дождемся мертвеца. Это лучше, чем пытаться найти его в городе. К тому же мне необходимо отдохнуть и подлечиться, давно не чувствовал себя так паршиво.

Я осмотрелся. Маленькая кухня светилась чистотой. Лишь на обеденном столе да на полу у раковины валялось несколько крошек. Идеальный порядок. Ни единого пятнышка на плите, столешнице и нежно-розовом кафеле. Нам с Густавом и мечтать о таком не приходилось.

В прихожей грохнула дверь. Мой неуклюжий ассистент тяжелой поступью прошел в кухню и остановился на пороге.

– Где он?

– Ушел. Отмылся, переоделся и свалил. Мы опоздали.

– Что будем делать?

– Ждать. Рано или поздно он вернется домой.

Густав помолчал с минуту, затем неуверенно спросил:

– А люди?

– Надо же! Теперь ты беспокоишься о людях? Не поздновато? – не удержался я от колкости, но глядя на его виноватую физиономию, смягчился: – Поток почти стабилизировался. Он не сможет никого убить. Нам повезло, что на его пути попались животные.

Густав молчал, и я примирительно попросил:

– Будь другом, поищи в комнатах лекарства. Башка раскалывается.

Он с облегчением убрался с моих глаз, зашумел ящиками и дверцами. А я решил раздобыть еды и подошел к холодильнику. Однако белоснежное нутро встретило меня пустотой. Коробка с пищей и пакет шоколадного молока. Все. Не знаю, что удивило меня больше, – отсутствие продуктов или факт, что взрослый человек запивает пищу сладким молоком. Я открыл морозилку, надеясь все-таки найти что-нибудь съестное. Замороженные овощи, рыбу, мясо. Но и там было абсолютно пусто. Только в верхнем контейнере лежал маленький целлофановый сверток. Я достал его, попытался развернуть. Смерзшийся пакет крепко держал добычу, и я положил его в раковину. Повернул горячий кран. Густав что-то прокричал из комнаты, и, оставив пакет размораживаться, я поспешил к помощнику.

– Здесь ничего нет, – произнес Густав, едва я вошел.

– Что? Ни одной таблетки? Ты везде посмотрел?

– Ты не понял! Здесь вообще ничего нет!

Один за другим он открыл ящики массивного письменного стола, демонстрируя их безупречную пустоту. Подошел к шкафу и распахнул дверцы – пусто. Ни одной вещи ни в комод у окна, ни внутри приземистой тумбы под телевизором.

– В другой комнате тоже ничего нет, – Густав непонимающе покачал головой. – Только ноутбук на кровати. И еще это, – он протянул мне клочок бумаги, на котором неровным почерком были написаны числа – #27004.

Я убрал ее в карман и вернулся в кухню. Мысли метались словно испуганные птицы, узел внутри затянулся еще туже, рождая нехорошие предчувствия. Я открыл все шкафчики в кухне, убедился, что они пусты. Ни чашек, ни кастрюль, ни тарелок. Ничего из того, чем люди обычно заполняют свои дома. Значит, это место не было ему домом. Почему же он пришел сюда?

Я попытался мыслить рационально. Может быть, он недавно въехал и еще не успел перевезти вещи и купить еду. Может, поссорился с женой и нашел временное жилье. Нужно успокоиться. Всему всегда есть объяснение. Я вспомнил о пакете в раковине. Закрыв горячую воду

и развернул целлофан. Подставил руку и вытряхнул содержимое. В следующее мгновение я почувствовал, как волосы на моем теле приподнялись, а изо рта вырвался невольный крик удивления. Я будто со стороны наблюдал за собой и сколько бы ни пытался, никак не мог найти разумное объяснение тому, что на моей ладони лежат отрезанные человеческие пальцы.

Глава 6. Следователь

15 апреля 2022 года.

Остывший кофе горчил, и Каширин без сожаления вылил его в цветочную клумбу за окном. Когда-то в одной из книг жены по садоводству он прочитал, что кофейная гуща – отличное удобрение, и с удовольствием пользовался этим знанием, чтобы не бегать каждый раз к раковине. Шел четвертый час ночи, восемьдесят шестая минута матча «Бавария» – «Ювентус» и двадцать седьмые сутки от начала расследования.

Тяжело вздохнув, он вернулся к столу, отогнал от лампы назойливого мотылька и сел. Дождался финального свистка арбитра и вернулся к работе. Полистал блокнот, открыл папку со свидетельскими показаниями, снова загрузил записи видеокамер.

Это дело с первых же строк поставило его в тупик. Как и двоих его предшественников. Каждая деталь упиралась в отсутствие фактов и мотивов, ни одна версия не могла быть проверена и подтверждена.

Каширин достал фотографии, разложил перед собой и принялся внимательно их разглядывать. словно лица, смотревшие на него со снимков, могли помочь разгадать головоломку, намекнуть, а то и вовсе дать ответы на вопрос: что с ними произошло?

Он вновь перебрал в голове факты. Свидетелей нет. Следов взлома и отпечатков пальцев не обнаружено. За три с половиной месяца тела так и не нашли.

Каширин взял в руки одну из фотографий – Руслана Миронова, семнадцать лет. Студентка института международного права и экономики, начинающая модель. В больницу поступила прямо с занятий, ей стало плохо на лекции по юриспруденции. Сокурсники рассказывали, что девушка жаловалась на усталость и уснула за столом, а после никто не смог ее разбудить. Отец погибшей – известный адвокат и правозащитник – грозил судами и увольнениями, если тело дочери не будет найдено в ближайшее время. По большей части, именно из-за его угроз дело не закрывали и постоянно передавали из рук в руки.

Вторая жертва – Каширин был уверен, что мертвых девушек стоит называть именно так, – выгуливала собаку в парке рядом с детской площадкой. Надежда Полякова, двадцати двух лет, безработная и беспечная выпускница политехнического колледжа. По словам очевидцев, во время прогулки она села на лавку возле вольера для выгула собак и больше не поднималась. Спустя сорок минут мамыши на площадке обратили внимание на бегающего вокруг девушки сиба-ину. Он скулил и ставил лапы на колени хозяйки. Поняв, что с девушкой что-то не так, женщины вызвали скорую помощь.

Оксана Шевченко потеряла сознание в супермаркете, где вместе с мужем выбирала обои для недавно приобретенной в ипотеку квартиры. Проходя между рядами декоративных панелей для стен, она вдруг схватила супруга за руку и успела произнести, что чувствует себя очень странно. Девушка скончалась спустя шесть минут после приезда медиков. Через месяц ей должно было исполниться двадцать четыре года.

Каширин потер лоб и отложил фотографии в сторону. Он чувствовал, что они что-то упускают и задают неверные вопросы. Криминалисты искали в жертвах схожие черты, анализировали места, где те могли пересекаться, пытались выстроить логические цепочки. Но каждая новая версия рассыпалась в прах, не успев обрасти хотя бы несколькими доказательствами. Девушки не знали друг друга, не имели общих знакомых. Не отмечали в социальных сетях одних и тех же мест посещения и вели совершенно разный образ жизни. Ни одной зацепки, позволившей бы сопоставить факты и выстроить картину произошедшего.

Впрочем, кое-что общее у девушек было. Броская впечатляющая красота. При отсутствии схожих черт каждая из них обладала привлекательным лицом и роскошной фигурой. Объединяло их и то, как они умерли.

И, хотя в крови жертв не было найдено следов каких-либо химических соединений, Каширин был уверен, что именно в способе убийства скрывался ключ к разгадке преступления. Вот только медики отказывались признавать гибель девушек убийством.

Ссылались на то, что без вскрытия тел невозможно установить причину смерти. И все жертвы могли погибнуть по разным причинам. Данных не хватало катастрофически. Только Надежде Поляковой в больнице успели сделать МРТ, показавшее, что перед смертью девушка находилась в состоянии глубокого сна.

Следствие буксовало и в основном крутилось вокруг похищения трупов. Выдвигались версии о появлении банды некрофилов, религиозных жертвоприношениях, торговле органами. Последнюю практически сразу признали несостоятельной. Абсолютно все судмедэксперты и патологоанатомы сходились во мнении, что органы, изъятые из тел мертвецов, непригодны для пересадки. Остальные варианты разрабатывались до сих пор. Каширин бегло просмотрел папки с материалами дел и начал собственное расследование, не опираясь на выводы коллег. Он чувствовал, что у этого преступления есть второе дно. Уж слишком хорошо оно было продумано и исполнено. Чтобы проверить такое, требовались немалые ресурсы. Каширин исходил из того, что похитителю требовались именно эти конкретные женщины, а точнее их тела. Вот только зачем? Воображение рисовало маньяка-коллекционера, украшающего свой дом прекрасными девами, или безумного ученого. Но он понимал, что все это чепуха. Тут было что-то другое. Более приземленное, обыденное и оттого жуткое.

Первое, что он решил выяснить, – можно ли убить человека, погрузив в сон. Общался с гипнологами, сомнологами, специалистами-регрессологами. Искал информацию о состояниях транса, мгновенном гипнозе и постгипнотических внушениях. Каширин делал ставку на то, что, выйдя на убийцу, найдет и тела девушек. Но шли дни, а ответы найти не удавалось.

Второй по важности он считал организацию похищения. Лично ездил в каждый морг и пытался воспроизвести действия преступников. Засекал время движения по коридорам с телом на руках и телом на каталке, сравнивал записи по поступлению жертв, выяснял при каких обстоятельствах обнаружили пропажу.

Но установить время, когда девушек вывезли, не смог. Потому что в ночь похищения на территории моргов не въезжал ни один автомобиль. Каширин по нескольку раз просматривал записи камер наблюдения со всех окрестных улиц, но не нашел ничего подозрительного. Хотя был готов зацепиться за самую незначительную деталь. Так, заметив подозрительный белый фургон с неизвестным логотипом, он потратил полдня, чтобы все про него выяснить. Результат вышел удручающим – компания занималась выращиванием и продажей вариегатных растений и в пресловутую ночь привезла свою продукцию в цветочный магазин. Каширин засомневался в необходимости поставок в ночное время, но многочисленные источники указывали на чувствительность таких растений к солнечным лучам.

Время шло, расследование не двигалось, и он понемногу сбавил обороты.

Да и торопиться, по сути, было некуда. Похищенные в спасении не нуждались. Преступникам грозила не самая серьезная статья за надругательство над телами умерших. Да и то если эти самые тела будут найдены. А это как раз вызывало больше всего сомнений. Со дня смерти девушек прошло более четырех месяцев, и, кем бы ни был таинственный похититель, он позаботился о том, чтобы спрятать трупы с той же тщательностью, с какой спланировал похищение. Каширин предполагал, что тела уничтожены или захоронены где-то, и сосредоточился на поиске убийцы и его сообщников. Он был уверен, что в деле замешаны сотрудники моргов, в особенности подозревал дежуривших в ночь похищения санитаров. И уже в третий раз оставался на работе ночью, чтобы спокойно все обдумать. Собрал досье на подозреваемых,

нашел их аккаунты в социальных сетях и методично просматривал, пытаясь найти свидетельства того, что эти люди недавно получили крупную взятку. Дорогой алкоголь, гаджеты, техника, стоимость которой значительно превышала скромный доход работника государственного учреждения. Таким способом часто пользовался приятель Каширина – коллектор, разыскивающий должников. Те, кто отказывался платить кредиты, убеждая банки, что денег нет, зачастую выдавали себя опрометчивыми снимками на личных страницах. И Каширин надеялся, что санитары совершат ту же ошибку, и регулярно мониторил их профили. Он внимательно всматривался в фотографии, выложенные после двенадцатого марта, отмечая и выписывая все детали, но ничего подозрительного не обнаружил.

И почти готов был смириться, что его версия отправится пылиться в архив вместе с остальными. Он взял телефон, открыл приложение Инстаграм и зашел на страницу Ивана Акимова – самого молодого из подозреваемых. На него Каширин больше всего надеялся, рассудив, что молодому парню будет трудно устоять перед искушением похвастаться финансовыми возможностями. Но, к его разочарованию, санитар выкладывал фотографии редко. С ночи похищения на странице появилось всего шесть новых публикаций. Каширин видел их уже столько раз, что мог с закрытыми глазами воспроизвести каждый снимок. Селфи на работе, посиделки в пивном баре с друзьями, три фотографии из самодельной дворовой качалки и домашнее фото за заваленным кучей хлама столом.

Он с унылой тщательностью снова просмотрел каждое фото, растягивая экран пальцами, чтобы приблизить изображение. Первые пять без эмоций, а последнюю с физически ощущаемым отвращением. Он ненавидел эстетику убогих задрипанных квартир, напоминавших ему о пьющих родителях и собственном нищем детстве. И с тяжестью в сердце разглядывал обшарпанные стены, письменный стол с зияющими глазницами на месте ящиков и покосившийся стул, на котором сидел Акимов. Единственным чистым пятном на фотографии казался белоснежный медицинский халат, наброшенный на спинку стула. Зачем санитар принес его из морга, Каширин не задумывался и не заострял на халате внимания. Но сейчас почему-то принялся разглядывать. И заметил в углу у самого сиденья небольшое темное пятно. Значит, Акимов испачкал халат и принес домой постирать. Каширин не слишком удивился и хотел закрыть приложение, но пятно притягивало его взгляд, казалось смутно знакомым. Он приблизил фото, изображение расплылось, превратившись в размытую кляксу. Но ее очертания подозрительно напоминали логотип той самой компании, чей фургон он видел рядом с одним из моргов. Каширин нахмурился. Заскринил фото, переслал на рабочую почту, загрузил в программу фотообработки и увеличил без потери качества. На раскрытых ладонях покоился изящный пальчатораздельный лист, похожий на кленовый, но с более сложными и глубокими краями. Эмблема компании «Ригорэ», основанной тридцать лет назад польским предпринимателем Игнацием Садовским. Каширин едва не присвистнул от удивления. Таких совпадений не бывает. Если удастся доказать причастность компании к похищению трупов, дело обещает быть громким. Но сначала нужно найти улики. Убедить начальство выдать ордер на обыск в квартире подозреваемого, заставить его признать вину. А потом уже, имея четкие доказательства подкупа сотрудников морга, наведаться в «Ригорэ» и выяснить, зачем им понадобились трупы. И закрыть дело. Забыть о бессонных ночах, утомительных беседах с безутешными родителями, получить ответы на вопросы.

Каширин собрал фотографии девушек, убрал в конверт и бросил в ящик стола. Прихлопнул вернувшегося мотылька последним изданием уголовного кодекса в мягкой обложке. Ухватил расплющенное тельце за крыло и отнес к окну. Выбросил в ту же клумбу, куда выливал кофе, и впервые за долгое время покинул кабинет с мыслями о живых, а не о мертвых.

Глава 7. Мертвец

Как же ты мог, сволочь? Я же верил тебе!

Предатель!

...достойно исполнять свой служебный долг...

Пожалуйста, убей меня...

...быть мужественным, честным и бдительным, не щадить своих сил...

Сдохни, тварь!

Голоса смолкли, оставляя меня наедине с полутемной прихожей. Я осознал, что уже целую вечность стою у двери, уткнувшись взглядом в кожаную банкетку. Не помню, как добрался сюда. Последние сутки словно стерли из памяти. Смутные образы расплывались и ускользали, как только я пытался сосредоточиться на них. Будто я вспоминал свой сон. Ночной лес, шоссе, собачья свора. Что из этого было видением, а что явью? Как отличить истину от лжи?

Предатель!

Ты так разочаровал меня, так разочаровал...

Думал, тебе удастся меня обмануть?

– Да, – тихо проговорил я, надеясь, что, получив ответ, назойливый шепот в моей голове исчезнет, – да, и мне почти удалось. Всего пара недель – и мой идеальный план осуществился бы. Я был так близок...

– *Сдохни, тварь!* – прошелестело у самого уха, словно тот, кто желал мне смерти, все еще стоял передо мной. Я коснулся лица, отгоняя наваждение. И заметил, что руки перепачканы землей и... чем-то похожим на кровь.

Не лги себе, ты ЗНАЕШЬ, что это кровь. Твоя кровь.

Пальцы слушались плохо, я согнул и разогнул их несколько раз, прежде чем мне удалось нащупать собачку молнии у горла. Но расстегнуть куртку не получилось. Молнию заело намертво. Я оставил попытки раздеться и прошел в ванную. Не зажигая света, повернул кран. Подставил руку под тонкую струю. Пару минут наблюдал, как грязь стекает с пальцев, а потом сообразил, что включил одну горячую воду. И не чувствую дискомфорта и боли.

Закрыв воду, я медленно вышел в коридор. Нащупал выключатель на стене. Осмотрел руку – кожа казалась слегка набухшей, но покраснений и волдырей не было. Я провел пальцами по ладони, затем по тыльной стороне руки, ощупал лицо, шею. Ничего. Надавил сильнее и не ощутил даже слабого отклика. Будто надел толстый резиновый костюм. Ударил кулаком по деревянному откосу. На костяшке указательного пальца появилась крошечная ранка, но повреждения я не почувствовал.

Ты ведь понимаешь, что это значит?

Я вернулся в ванную. Боковым зрением поймал в зеркале свое отражение и отвел взгляд. Не хочу на себя смотреть. Да и стоит ли? Смогу ли я принять то, что увижу? Зеркало покажет правду, ведь отражения не умеют лгать. В отличие от меня. И пока я не признаю этой правды, ее словно не существует. Ложь создает иную реальность, которая имеет власть до тех пор, пока я в нее верю.

Ты всерьез думаешь, что все так просто?

– Нет, – я снова заговорил вслух. – Все совсем не просто. И никогда не было просто. Я точно знаю, о чем говорю. Ведь началось все именно со лжи. И закончилось ложью.

И смертью.

– Заткнись, – сказал я, залез в ванну и включил душ. Намокнув, молния наконец разошлась, и я избавился от одежды. Смывал грязь, не чувствуя ледяной воды, запаха шампуня, прикосновений ладоней к собственному телу. Не решаясь опустить глаза и посмотреть на живот. Но пальцы неосторожно скользнули чуть ниже груди, и я ощутил странную неровность кожи, не похожую на...

Разрез от 127-миллиметрового ножа?

Я наклонил голову и вздрогнул от внезапного острого ощущения, согнувшего меня пополам. Мир погрузился в темноту, наполненную чьими-то хриплыми стонами. По телу прокатилась судорога. Спустя мгновение я понял, что стою на коленях в ванне, держусь за живот, и эти стоны вырываются из моей глотки. Пытаюсь вдохнуть, но воздух застревает в горле, с шипением и хрипами наталкивается на невидимую преграду. Я больше не могу дышать. Мое тело потеряло способность чувствовать. То, что я принял за ощущение, было лишь воспоминанием жуткой боли, которую я испытал перед тем... как сдохнуть в том лесу.

Ну вот ты и признал очевидное...

Нет, я не мог умереть! Это невозможно! Я вновь попытался вспомнить события прошлой ночи. В ушах тут же зазвучал отвратительный хохот Црвени и его помощников. Они забрали у меня телефон, пистолет и оставили умирать. Помню, как шел, пока не кончились силы, как полз по земле. Помню дорогу, до которой оставалось всего несколько метров. Кажется, потом я потерял сознание. Очнулся ночью, вышел на шоссе и на такси добрался до города. В памяти всплыло лицо таксиста – он что-то говорил про больницу и собак. Да, собаки...

Я посмотрел на живот. На белые плотные стежки, которыми кто-то зашил мои раны. Непохоже на медицинские швы – аккуратная, но кустарная работа. Кто и зачем сделал это со мной? Почему я ничего не помню?

Я вылез из ванны, прошел в комнату и достал из шкафа черную футболку и джинсы. Натянул на влажное тело и оглядел пустые полки. Эту квартиру я нашел около года назад, но бывал здесь редко. И, отправляясь на встречу с Црвени, не планировал возвращаться так скоро. Здесь хранилось лишь самое необходимое – что могло понадобиться в экстренном случае. Документы, запасной телефон с двумя чистыми симками, пистолет и четыре обоймы. Так что, если бы я захотел начать жизнь с чистого листа, момент был подходящий.

Пару минут я смаковал эту мысль – исчезнуть. Уехать куда-нибудь – в Таиланд или на Гоа, где меня никто не знает. Денег на оффшорном счету мне хватит лет на пятнадцать, а то и больше. Но разве для этого я тянул жилы, изворачивался и лгал последние три года? Чтобы сдать сейчас? Нет, так не пойдет. Слишком многое поставлено на карту. Как я могу отказаться от цели, ради которой готов умереть?

Ты уже умер ради этого...

Я сел на диван и попытался все обдумать. Мог ли я выжить после того, что Црвени и его приспешники сделали со мной? Мой живот красноречиво говорил, что вряд ли. Но я живой! Я мыслю и, следовательно, существую. Кажется, только сейчас я понял истинное значение этой фразы. Или наделил ее новым смыслом. Если я мертв, то почему остаюсь в сознании? Сколько времени мне отпущено? Вряд ли удастся найти ответы. И, наверное, не стоит их искать. Гораздо важнее закончить то, что привело меня на ту поляну.

Я должен завершить дело. Выполнить долг. Использовать шанс обставить противника, уже вкушившего радость победы. Црвени уверен, что отправил меня в ад. Но вместо Страшного суда я, кажется, получил второй шанс. Что это, если не знак свыше? Может, не зря Деян называл меня особенным?

Молчи. Я ведь верил тебе. Думал, кто угодно, только не ты.

Ты так разочаровал меня, так разочаровал...

– Кто же та гнида, что меня сдала? Не знаешь? – обратился я к голосу в голове и, не услышав ответа, добавил: – И я не знаю. А ведь после смерти мы должны получать все ответы. Разве нет? Очередная ложь.

Почему вокруг меня все пропитано ложью? Может быть, потому, что правды не существует? Если тьма в своей сути – лишь отсутствие света, может ли быть, что ложь – отсутствие истины? Я не знаю ответа. Но знаю, что ложь материальна и губительна. Она убивает истину и хоронит ее глубоко под землей, заваливает мусором, маскирует. И там, в крошечной темноте, правда разлагается и становится кормом для новых ростков лжи. Они тянутся навстречу солнцу, словно плющ опутывая всякого, кто ступит на их территорию.

Я столько лет лгал ради своей цели, что не заметил, как сам превратился в ложь. Перестал существовать в той реальности, которая знала истинного меня. И хрупкий картонный домик стал крепче каменного, ведь я верил, что у меня слишком много причин для лжи.

Может, самое время взглянуть правде в глаза?

Я поднялся с дивана и вышел в коридор. Зажег свет и заставил себя посмотреть в зеркало. Немного бледноват, но в целом неплохо. Только зрачки, как у наркомана, – огромные, на всю радужку, и неподвижные. Но, если надеть солнечные очки... никто не отличит меня от живого.

Я вернулся в спальню и просунул руку под подушку, достал пистолет. Поиграл с затвором, привыкая к оружию в бесчувственных пальцах. И отметил новую особенность – если я думал о движении, которое предстояло совершить, оно не получалось. Я попробовал нажать на спусковой крючок и не смог заставить руку пошевелиться. Но когда закрыл глаза и перестал концентрироваться, пальцы сами приняли нужное положение. Что ж, придется отвыкнуть думать и действовать интуитивно. Я засунул пистолет за пояс джинсов и в последний раз оглядел комнату.

Провел пальцами по тонкому серебристому одеялу, вспоминая мягкость флиса, положил ладонь на пластиковый корпус дешевого ноутбука. Он сильно грелся, когда работал, и это часто

бесило, но сейчас я бы не отказался от ощущения тепла под рукой. И даже от запаха нагретого пластика.

Почему-то вспомнился Гелиос – его унылая равнодушная морда. Он ведь сдохнет там без меня. Никто не зажжет ему лампу, не оставит еды. Я решил заехать домой перед тем, как отправиться на склад, и пошел в ванную за кроссовками. Тщательно вымыл их в раковине и надел. Потоптался на полотенце, дожидаясь пока в обуви перестанет хлюпать вода, и вернулся в комнату. Забрал документы, телефон и обоймы, сложил в черный пакет для мусора. Вышел в подъезд и уже собирался спускаться, как вдруг услышал шаги. Я осторожно выглянул в пролет. Кто-то поднимался по лестнице двумя этажами ниже. Странно. Лифт не шумел, значит, был свободен. Сломался? Скорее всего. Но почему-то у меня возникло ощущение, что таинственный гость явился по мою душу. Через секунду я убедился в своих подозрениях – внутри шахты зашуршали тросы, кто-то нажал на вызов, и кабина пришла в движение. Значит, лифт работает.

Кто станет пешком подниматься на десятый этаж? Тот, кто не хочет оставлять лестницу без присмотра. Вполне возможно, что в лифте едет сообщник незнакомца. Но кто они? И как меня нашли? Никто не знал о моем убежище, в этом я был уверен. Приходил сюда, лишь убедившись, что за мной не наблюдают. Неужели Црвени узнал, что я выжил, и каким-то образом выследил меня? Я бесшумно поднялся этажом выше, остановился и прислушался. Лифт прошуршал мимо и открылся на двенадцатом этаже. Может, я все-таки ошибся?

Я спустился на пару ступенек, присел и сразу увидел незнакомца, стоящего перед дверью квартирного блока. Черт. Кто это? Не похож на помощников Црвени. И на полицейского не похож. Одет в камуфляжную куртку и штаны, на ногах потрепанные берцы. Он скрылся в тамбуре, и через минуту я услышал тихий щелчок замка. Вряд ли кто-то еще оставил сегодня незапертую дверь, значит, он все-таки пришел ко мне. Что ж, его ждет разочарование. В ноутбук важную информацию я не хранил, предпочитая заучивать нужные данные. А больше там ничего и нет. И можно надеяться, что незнакомец скоро уйдет, убедившись, что не преуспел в своих намерениях.

Я сел на ступеньки и начал ждать. Через пять минут лифт снова пришел в движение и привез еще одного гостя. До слуха донеслись обрывки фраз, затем снова наступила тишина. Я разрывался между желанием незаметно свалить и выяснить, кто явился за мной в мое тайное логово и откуда оно им известно. Пистолет за поясом решил спор в пользу второго варианта. Я решил, что одного убью сразу, а из другого постараюсь выбить ответы. Бесшумно спустившись, я проскользнул в приоткрытую дверь и оказался в прихожей. В кухне шумела вода, и, держа пистолет перед собой, я быстро прошел туда. У раковины стоял человек в камуфляже и держал под водой какой-то сверток. Через мгновение развернул его, вытряхнул содержимое и вскрикнул. На его ладони лежали пальцы Заславского.

Сука. Зачем ты в морозилку-то полез?

Незнакомец выбросил пальцы в раковину, попятился и обернулся. И увидел меня.

– Смотри! – я округлил глаза и указал на что-то за его спиной. Дешевая детская уловка, призванная рассеять внимание собеседника. Не думал, что он поведется. Но его голова дернулась вслед за моей рукой. Как только он отвел взгляд, я бросился вперед и ударил его пистолетом по голове. Незнакомец охнул и мешком осел на пол. Я присел над ним и хотел обыскать, но заметил движение за спиной и развернулся.

– Меня так просто не вырубешь, – спокойно произнес второй гость странным полусшепотом.

– Он заряжен, – я указал на пистолет и наставил его на собеседника.

Но тот неожиданно улыбнулся. Без издевки, дружелюбно и немного сочувственно.

– Не поможет. Я такой же, как ты. А нас сложно убить.

– Такой же, как я? О чем ты? – я не мог понять, тянет он время в ожидании подмоги или говорит искренне.

– Такой же, как ты. Живой мертвец. Или восставший, как нас называет Волот, – он указал на лежащего на полу человека.

– Не боишься, что я проверю? – я направил пистолет незнакомцу в грудь, целясь в сердце, но тот лишь развел руки.

– Стреляй.

Высокий, стройный, худощавый, с бледным аристократическим лицом, на котором не было и тени волнения, он стоял передо мной в ожидании выстрела. И я понимал, что должен стрелять. Нельзя верить ему, потому что его слова не могут быть правдой. Как не могло быть правдой и то, что я стоял сейчас здесь, в этой квартире, с зашитыми ранами на животе, и ничего не чувствовал.

– Меня зовут Густав Бофремон, – вновь заговорил незнакомец. Я сын герцога Альфонсо де Бофремона. Я родился в 1822 году. И я мертв уже сто восемьдесят лет.

Глава 8. Ярослав Матвеев

– Почему я должен тебе верить? – я встал у окна, чтобы видеть обоих пришельцев. Словам незнакомца я не поверил, и жалел, что не воспользовался случаем и не ушел, когда была возможность.

– Можно уложить его на диван? – вместо ответа спросил Густав, указывая на лежащего. – Это не первый удар по голове, который он получил сегодня, и я думаю, ему необходим отдых.

Я пожал плечами. Все случившееся выходило за рамки привычного мне мира, и я не знал, как реагировать. Ясно одно – они не от Деяна. А значит, расклад по-прежнему в мою пользу.

– Кто вы такие? – я задал вопрос и тут же внес уточнение. – Кто ты – я понял. А этот?

– Он называет себя некромантом. Волотом Новгородцем.

Густав подошел к человеку на полу, наклонился и подхватил его под мышки. Приподнял тело и осторожно потащил в комнату. Остановился на полпути и взглянул на меня.

– Поможешь?

– Нет! – я демонстративно наставил на него пистолет. – Ты не ответил на вопрос: кто вы такие?

– Я ответил, – просто сказал Густав и через минуту скрылся в спальне. Поражаясь такой наглости, я проследовал за ним. Остановился на пороге и молча наблюдал, как он укладывает товарища на кровать. Закончив, он повернулся ко мне.

– Если ты хочешь доказательств, попробуй выстрелить мне в сердце. Я не умру и не почувствую боли. Потом можем поговорить.

Похоже, он не шутил. Его лицо не выражало эмоций, а тело казалось застывшим и неуклюжим. Неподвижный взгляд только усиливал впечатление, что передо мной и вправду мертвец, а не живой человек. Но как это возможно?

– Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, – произнес Густав, и я вдруг понял, что в его фигуре мне кажется особенно странным. Он не двигал шеей – поворачивался всем корпусом, наклонялся, не опуская головы, все время сохраняя одно и то же неестественно ровное положение спины и плеч. Словно робот или манекен.

– Тебе страшно? – он задал вопрос, глядя в стену.

– Нет.

– Больно?

– Нет.

– Ты удивлен, взволнован или в отчаянии?

– Нет, – я понял к чему он клонит, но не спешил соглашаться с нелицеприятным выводом.

– Я знаю, что ты ничего не чувствуешь. Так же, как и я. Мы нашли тебя в лесу. Мертвого.

– И зачем я вам понадобился?

– Мы ехали пополнить мою силу. Но нашли тебя.

– Понятно, – сказал я, хотя, разумеется, ничего не понял. Но этот разговор был настолько иррационален и сюрреалистичен, что мне требовалась передышка. Еще недавно я считал себя избранным, необыкновенным, а оказался просто игрушкой в чужих руках. Впрочем, уже не в первый раз.

Я опустил пистолет и вернулся на кухню. Мыслей не было, только глухая, беспросветная темнота внутри. Я сел за стол и закрыл глаза. Представил собственные похороны. Гроб опускается все ниже, и вместе со светом пропадают звуки. Становится тихо. Я лежу в могиле, и черви жрут мою плоть.

– Ты привыкнешь, – раздался над головой голос Густава. Я настолько углубился в свои мысли, что не заметил, как он подошел.

– Не сомневаюсь, – ответил я, и в памяти всплыли первые дни у Деяна. Как меня выворачивало от необходимости улыбаться ублюдкам и негодьям, которых тот собирал вокруг себя. Тогда я тоже привык, но это стоило мне семьи, карьеры, друзей. Что потребуется отдать на этот раз?

Я подошел к раковине, сложил в пакет пальцы Заславского. Скрутил тугой сверток и убрал в морозилку. Надо убираться отсюда, пока этот некромант не очнулся. Уверен, он пришел не просто так. И, раз вычислил мое убежище, значит, следил за мной. Нужно выяснить как? И избавиться от устройства слежения.

– Как вы меня нашли? – спросил я у неподвижно стоящего посреди кухни Густава. Странный тип. Он что, не понимает, как выглядит? Хотя бы притворился живым.

– Волот видел следы Потока, которые ты излучаешь. И шел по ним.

– Какого Потока?

– Что-то сродни жизненной силе, которой он наполняет нас, чтобы мы могли помогать ему. Волот объяснит.

«Спасибо, не надо. Лучше я пойду к черту», – подумал я и сделал шаг в сторону двери. Интересно, он даст мне пройти?

– Волот все равно тебя найдет, – Густав верно истолковал мое движение, но продолжал стоять словно каменное изваяние.

– Посмотрим, – я отступил еще на два шага. Если уйду сейчас, то хотя бы выиграю время. А тот, кто выиграл время, – тот выиграл все. Никогда бы не подумал, что стану цитировать Деяна.

Я прошел мимо Густава, не спуская с него глаз и продолжая держать на мушке. Возможно, пистолет и не остановит мертвеца, но этот мнимый барьер создавал видимость, что я контролирую ситуацию. Внезапно меня охватило странное чувство – будто вокруг тела закружился горячий вихрь. Первые секунды ощущение было приятным, но затем в середине груди начала разрастаться дыра. Ледяная, колючая и невыносимо тяжелая. Она заполнила грудную клетку, перетекла на живот и спину, подобралась к плечам. Я попытался дойти до двери, но ноги больше не слушались. Пустота пожирала меня изнутри, отбирала жизнь, высасывала душу. Я упал на пол в прихожей, перед глазами застыла картинка – угол стены и коричневый потертый плинтус. Я не мог пошевелить ни головой, ни руками и не видел, что происходило за спиной. Спустя несколько секунд мягкий хриловатый голос произнес:

– Спасибо за заботу, Густав.

Некромант, дьявол его побери. Что он сделал со мной?

Над головой нависло лицо – я не мог разглядеть его черт из-за положения головы и видел только силуэт склонившегося надо мной человека. Какое-то время он разглядывал меня, а потом задал вопрос:

– Ты всегда встречаешь гостей ударом по голове? Как-то негостеприимно, не находишь? Силуэт исчез, я услышал удаляющиеся шаги. Он прошел в кухню и заговорил с Густавом.

– Посади его на стул, так, чтобы он мог меня видеть. Сходи в магазин – купи одноразовую посуду, овощей, мяса и сладостей. И в аптеку – мне нужны йод, пластырь и обезболивающее. А мы пока потолкуем.

Картинка перед глазами задвигалась, и я понял, что мертвец тащит мое тело по полу. На кухне Густав одним рывком поднял меня и усадил за стол. Я оказался лицом к лицу с некромантом и получил возможность хорошенько его рассмотреть. Светлые волосы с едва заметной проседью, прямой нос, голубые глаза. Из глубокой ссадины на лбу сочилась кровь. Я отметил, что не припомню, видел ли когда-нибудь более чистый славянский типаж. А может, так казалось по контрасту с привычной смуглостью Црвени.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, затем некромант отвел глаза.

– Что же мне с тобой делать? – тихо спросил он, потирая переносицу. Опустил голову и застыл, разглядывая узорный рисунок на дешевом линолеуме.

Разумеется, я ничего не ответил. Сидел, словно парализованный, и не многим отличался от разумного столба. Не испытывал ни страха, ни тревоги. Просто ждал, когда он начнет говорить. Все что я мог – попытаться просчитать ситуацию и возможный предмет беседы. В прошлом мне уже доводилось сидеть напротив любителя задавать вопросы, правда, тогда я не был зафиксирован так надежно – меня просто привязали к стулу. Вот тогда было страшно до тошноты. А потом стало еще и очень больно. И спасло меня лишь умение правдоподобно врать. Может, и на этот раз прокатит.

Минуты шли, но некромант не спешил начинать разговор. То ли специально тянул время, то ли вправду не мог определиться, нужен я ему или нет. Он немного сместился с доступной мне точки обзора, и теперь я видел лишь его плечо, часть кухонного окна, холодильник и дверцу навесного шкафа. Я представил, что сижу здесь день, неделю, месяц. Вспомнил победную ухмылку Црвени. Черт, угораздило же меня влипнуть.

Наконец он заговорил:

– Я вернул тебе часть Потока. Совсем немного, так что не делай резких движений. И первое, что я хочу сказать, – тебя убил не я.

– Знаю.

– О, ты помнишь свои последние часы. А остальное? Сколько ты помнишь вообще?

– Достаточно, – слова давались легко, но звучали тихо. Я не чувствовал движений губ и языка и по-прежнему не мог пошевелиться.

Некромант вздохнул:

– Что ж, рад за тебя. Но твоя дальнейшая судьба зависит от того, насколько хорошо ты сможешь все забыть. Твоя жизнь закончилась. Ты мертв.

Да успокойся, чувак, я в курсе. Лучше расскажи, чего ты от меня хочешь?

Словно прочитав мои мысли, некромант перешел к делу:

– Я поднял тебя не из жалости. Мне нужен помощник. Я бы объяснил подробнее, но у меня раскалывается голова. Так что дождемся Густава.

– А если я откажусь? – я задал вопрос, хотя расклад был понятен.

– Я верну все на круги своя. Ты попадешь в ад на сутки позже, только и всего, – пожал плечами некромант. И больше не произнес ни слова до возвращения Густава.

Когда мертвец вошел с двумя огромными пакетами, я вздохнул с облегчением. Мысленно, конечно. Мне изрядно надоело это состояние думающего манекена, и я надеялся на продолжение разговора. Но некромант первым делом схватил лекарства. Прошел в ванную и застрял там надолго – Густав успел распахнуть продукты по полкам и снова застыть посреди кухни. Когда шум воды стих, послышался голос:

– Я посплю немного, а ты сделай что-нибудь поешь. Разбуди, когда будет готово.

Твою мать! Да сколько же мне еще здесь сидеть?!

Какое-то время я наблюдал, как мертвец нарезает хлеб, помидоры и сыр. Затем спросил:

– И как тебе в роли прислуги для некроманта?

– Обычно Волот сам готовит себе еду, – равнодушно ответил Густав. – Помощник выполняет другие задачи.

– И зачем ему второй? Один не справляешься?

– Ты будешь вместо меня.

– А ты?

– Я получу свободу.

– Умрешь?

– Я уже мертв.

Мда, информативно, ничего не скажешь. На кой ляд я поперся выяснять, кто пришел за мной? Сейчас был бы уже на складе.

По ощущениям прошел еще час, прежде чем некромант наконец появился в кухне. Уселся за стол, подвинул тарелку с бутербродами поближе к себе и весело произнес:

– Все-таки обезболивающее – лучшее изобретение двадцатого века. Выпил таблетку – и как рукой сняло. Ни морфий, ни опиум не сравнятся с ибупрофеном.

Опустошив тарелку, он обратился ко мне:

– Почему у тебя в морозилке пальцы?

Ох, дружок, не совал бы ты нос не в свое дело.

– Это улика.

– Улика? Ты полицейский?

– Да.

– Что стало с их владельцем?

– Он не выжил.

– Его убил ты?

– Нет.

– Как тебя зовут?

– Ярослав Матвеев. В заднем кармане джинсов лежат документы.

– Мне не нужны документы, Ярослав, – некромант очень мягко, почти ласково произнес мое имя. – Я хочу убедиться, что тебе можно доверять. У тебя есть семья?

– Нет.

– Совсем никого? Родители? Братья? Сестры?

– Нет.

– Что ж, это неплохо. Так легче, когда никто не тянет назад, – он оглянулся на Густава, но тот не отреагировал.

– Меня зовут Владислав Новгородский, – минуту помолчал, представился некромант. – Ты можешь называть меня Владом.

– Или Волотом? – я повторил имя, которое называл Густав. Надеялся смутить некроманта, поймав на лжи, но он лишь улыбнулся.

– Последний раз я представлялся Волотом больше ста лет назад. Я назван так при рождении, но сейчас это имя устарело, и я выбрал созвучное. Влад – почти то же самое, что и Волот, но не вызывает вопросов. Поэтому тебе все же лучше называть меня Владом.

– Для чего тебе нужен помощник?

Некромант тяжело вздохнул.

– Несколько столетий назад... – он сделал паузу, словно сомневался, стоит ли отвечать: – Один человек сотворил большое зло. Я поклялся отомстить ему и с тех пор ищу его по всему свету. И мой путь порой бывает смертельно опасен. Чтобы не умножать зло и не подвергать опасности живых, я создаю себе помощников из мертвецов.

Я что, угодил в плохой фильм? Какие несколько столетий?

– Ты не человек?

– Почему? – вопрос, казалось, застал некроманта врасплох.

– Люди не живут так долго.

– А, ты об этом, – с облегчением улыбнулся он. – Нет, я человек. Такой же, как ты или Густав. Все дело в Поточе. Благодаря ему я старею намного медленнее, чем обычные люди.

Волот протянул руку и коснулся моего лба.

– Если обещаешь не делать глупостей – расскажу, как работает Поток.

И неожиданно для себя я кивнул. Шевельнув рукой, понял, что вновь обрел способность двигаться. И еле сдержался, чтобы сразу не вскочить на ноги. Повернул голову и увидел, что в дверном проеме стоит Густав. Значит, спокойно уйти мне не дадут.

– Поток наделяет тебя жизненной силой, – начал объяснять некромант. – Сохраняет твое тело, позволяет двигаться, видеть, слышать, думать. Поток есть основа всего сущего. Он в каждом живом организме: звере, человеке, растении, в самом крошечном насекомом, в мельчайшей бактерии. Я могу забрать часть Потока у любого из существ и передать другому.

– Но откуда у тебя эта сила?

Волот помрачнел.

– Когда-нибудь я расскажу тебе свою историю. Сейчас запомни одно – мертвое тело не способно восстанавливать Поток, как живое. Ты расходуешь силу на любое, самое незначительное действие. Если сбежишь от меня, в скором времени Поток иссякнет. Сначала ты потеряешь способность двигаться, затем перестанешь видеть и слышать. А вот мыслить сможешь еще довольно долго. Достаточно долго, чтобы я успел тебя найти.

Значит, теперь у меня появился поводок. Притом достаточно короткий.

– А если ты умрешь? Тебя ведь можно убить?

– Можно, – снова вздохнул некромант. – Но и в этом случае ты ничего не выиграешь. Израсходуешь весь Поток и будешь тихо гнить до тех пор, пока твой мозг окончательно не разложится. Ирония в том, – Волот почесал переносицу, – что энергия Потока будет защищать твой мозг от разложения как можно дольше. Годы, а может и десятилетия. Густав мог бы много рассказать о днях, проведенных наедине с собой, но мы не будем ворошить прошлое. Я тебе сам продемонстрирую.

– Не надо, – хотел сказать я, но не успел. Способность говорить снова исчезла, а вместе с ней померк свет. На меня словно опустили чугунный колпак, сквозь который не проникало ни единого звука. Что ж, некромант, ты ведешь грубую игру, но рано или поздно допустишь ошибку. У меня развито чувство времени, и я буду считать секунды, проведенные в этой тьме. И придет час, когда ты ответишь за каждую из них.

Глава 9. Олег Каширин

18 апреля 2022 года

Стеклянные двери бесшумно разъехались, и Каширин вошел в просторный холл «Ригорэ». После душного вагона метро прохлада от гудящего под потолком кондиционера показалась ему приятной, но уже через минуту по телу пробежал озноб. В помещении было слишком холодно. Он подошел к стойке ресепшена, достал служебное удостоверение и обратился к миловидной блондинке:

– Здравствуйте, я звонил утром. Мне назначена встреча на 16:00, с Евгением Игнатьевичем.

– Добрый день, сейчас уточню, – девушка подняла на Каширина глаза и едва заметно улыбнулась. – Присядьте, пожалуйста, это займет время.

Каширин пожегился. Перспектива мерзнуть в ожидании его не обрадовала, да и диван, на который указала блондинка, удобным не выглядел. Бесформенное громоздкое чудовище примостилось у стены слева от входа и отталкивало тусклым мерцанием холодной белой кожи. Но в нишах позади дивана Каширин заметил нечто необычное и подошел ближе. Семь застекленных квадратных отверстий в стене наглядно демонстрировали возможности «Ригорэ». В первой нише Каширин увидел росток с пятью зелеными древесными листьями. Во второй – такой же росток, но уже вариегатный – с обширными светлыми пятнами на листьях. С каждой последующей нишей зеленый цвет на растениях бледнел, а пятен на листьях становилось все больше. А в последней, седьмой, нише жемчужным блеском переливался абсолютно белый росток. Каширин не мог понять – настоящие перед ним растения или искусная имитация, но увиденное поразило и восхитило его. Он достал смартфон и хотел сфотографировать белоснежный побег, но за спиной раздался голос:

– Он прекрасен, не правда ли?

Каширин обернулся и увидел высокого мужчину лет тридцати, одетого в потертые джинсы и футболку-поло. В руках он держал тонкую папку и инкрустированный разноцветными камнями чип-ключ от автомобиля «мерседес». Догадавшись, что перед ним Садовский, Каширин протянул руку:

– Евгений Игнатьевич?

– Да, – мужчина ответил рукопожатием. – А вы?

– Старший лейтенант Каширин Олег Иванович, следователь двенадцатого управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве. Я звонил вам утром.

– Да, прошу извинить, я немного задержался на совещании. Пойдемте.

Каширин убрал телефон и двинулся вслед за Садовским по длинному коридору со множеством одинаковых темно-серых дверей. Он перебирал в голове вопросы, которые хотел задать, пытался переформулировать их так, чтобы получить нужную информацию.

Расследование снова зашло в тупик. Обыск в квартире Акимова, ради которого Каширин трое суток обивал пороги начальства, ничего не дал. Не удалось найти ни главную улику – халат с эмблемой «Ригорэ», – ни других доказательств причастности компании к похищению трупов. К тому же исчез и сам Акимов. В морге утверждали, что санитар взял недельный отпуск, из которого так и не вышел. Соседи не могли вспомнить, когда видели его в последний раз. Оснований объявлять его в розыск у Каширина не было – никто не заявлял о пропаже человека и за недостаточностью улик Акимов не мог считаться свидетелем или подозреваемым. Куда бы ни вела эта тонкая нить, она оборвалась раньше, чем Каширин успел зацепиться за нее. Но сдаваться не хотелось. Поэтому, вопреки мнению начальства, он все-таки поехал в «Ригорэ».

Кабинет Садовского был строг и аскетичен, но безупречные линии интерьера рождали уверенность, что видимая простота – лишь замысел дизайнера, не пожелавшего отвлекать внимание гостей от главного украшения – огромной стеклянной витрины. В ней, освещенный множеством ярких ламп, вращался логотип компании – лист на раскрытых ладонях, выполненный в виде искусного топиария из белоснежного дерева. Невольно залюбовавшись серебристым оттенком древесных листьев, Каширин сделал пару шагов вперед, чтобы получше рассмотреть инсталляцию. И вздрогнул, когда один из листов вдруг оторвался и с легким шелестом упал на дно витрины.

– Оно настоящее! – воскликнул он и смутился, поняв, что произнес это слишком громко.

– «Ригорэ» не производит искусственных растений, – с легкой улыбкой ответил Садовский. – Это дерево и ростки в вестибюле – живые.

– Но как вам удалось вырастить их? Разве растения могут существовать без хлорофилла? Я кое-что смыслю в ботанике благодаря жене – она работает в дендрарии.

– Приятно встретить сведущего человека, – вновь улыбнулся Садовский, – но, увы, ответить не смогу – коммерческая тайна. Простите, у меня мало времени. Давайте перейдем к делу. О чем вы хотели спросить?

Каширин помолчал, собираясь с мыслями.

Успех его замысла напрямую зависел от правильной постановки вопросов, и он жалел, что отвлекся на дерево.

– Сотрудники «Ригорэ» носят корпоративную одежду? – наконец спросил он и отметил, что брови Садовского удивленно поползли вверх.

– Корпоративную одежду? Что вы имеете в виду?

– Одежду, на которой стоит ваш логотип, – Каширин кивнул в сторону дерева. – Футболки, кепки... халаты?

– Так... Форму с логотипом носят торговые представители и водители. Это куртка, брюки и бейсболка. – Садовский растерянно почесал подбородок. – У остальных сотрудников свободный стиль.

– А халаты?

– Халаты носят сотрудники лаборатории. Но я не понимаю, к чему вы меня об этом спрашиваете.

– Халат с логотипом вашей компании найден на месте преступления, – Каширин внимательно следил за реакцией Садовского. Он был связан по рукам и ногам отсутствием улик и полагался только на свое чутье. И хотел представить ситуацию так, словно ему известно намного больше, заставить Садовского думать, что у полиции есть серьезные основания для обвинений. Он ждал ошибки, которую может совершить загнанный в угол человек. Но Садовский лишь равнодушно пожал плечами:

– Это невозможно. Сотрудники лаборатории переодеваются в специальных помещениях и каждый день сдают халаты для обработки дезинфицирующим газом. Мы поддерживаем стерильность.

– Значит, кто-то из них этого не сделал. Например, Иван Акимов, двадцати четырех лет...

– В «Ригорэ» нет такого сотрудника, – Садовский не дал Каширину договорить.

– У вас четырнадцать филиалов в России и шесть за рубежом. Численность сотрудников больше трех тысяч человек. Вы знаете каждого из них по имени?

– Разумеется, нет. Но доступ в лабораторию ограничен. Посторонние не могут туда попасть. А своих генетиков и химиков я знаю лично. Акимова среди них нет.

– Вы правы, – Каширин решил пойти ва-банк. – Акимов работает санитаром в отделении морга, откуда недавно пропало тело молодой девушки. Халат компании найден у него дома. Также есть видеозаписи, подтверждающие, что в ночь похищения фургон «Ригорэ» находился

недалеко от морга. Как думаете, если закинуть эту информацию журналистам, как долго они будут складывать два и два?

Некоторое время Садовский молчал. Скользил взглядом по стенам, по выложенному темным паркетом полу.

Потом подошел к витрине с топиарием и заговорил:

– Это африканский самшит – одно из самых древних декоративных растений. Его густая крона идеальна для изгородей и садовых фигур. Вариетатный самшит – наш самый удачный коммерческий проект. Девяносто процентов заказов от всех производимых растений. Но то, что вы видите за стеклом, – уникальное творение, генетический шедевр. Один росток с этого дерева стоит больше, чем вы можете заработать за тридцать лет.

– Вы предлагаете мне взятку?

– Нет. Я лишь хочу, чтобы вы поняли всю нелепость ваших обвинений. «Ригорэ» – семейное дело. И я не стал бы рисковать репутацией компании моего отца и связываться с криминалом. Все необходимое сырье мы покупаем у проверенных легальных поставщиков. Похищение трупов! – Садовский покачал головой и усмехнулся. – Не думал, что меня когда-нибудь обвинят в подобном! К тому же, – продолжил он, – в человеческом организме нет ничего генетически уникального, чего нельзя было бы получить законным способом.

Садовский отошел к столу, выдвинул ящики и достал документы, Каширин же словно прирос к полу. Сердце стучало так громко, что казалось, его должно быть слышно в коридоре. Придя сюда, он рассчитывал получить косвенные доказательства, определить, в какую сторону направить расследование, а фактически получил признание. «Похищение трупов», – ясно проговорил Садовский, хотя Каширин упоминал о пропаже только одного тела.

– У вас есть еще вопросы? – голос Садовского вывел его из оцепенения. – Если нет, попрошу вас уйти. Через девять минут я встречаюсь с заказчиками.

Каширин кивнул, коротко попрощался и вышел. Поток мыслей беспорядочно метался в голове, все больше запутывая разум и плодя бесконечные вопросы. Он нашел преступника, но по-прежнему ничего не знал о его мотивах. И о способе убийства девушек. Оснований для задержания Садовского нет, да и этот разговор придется оставить в тайне. Единственная возможность убедить начальство взяться за «Ригорэ» – получить показания санитаров из других моргов. Этим Каширин собирался заняться в первую очередь, причем действовать решил так же, как в разговоре с Садовским. Он скажет санитарам, что Акимов арестован и свидетельствует против «Ригорэ». Намекнет об ответственности за дачу ложных показаний и соучастие в преступлении. Постарается напугать их и склонить к сотрудничеству. Если не получится – расскажет обо всем журналистам, и поднявшаяся шумиха вынудит следственный комитет начать расследование. Каширин вышел на улицу и подставил лицо солнечным лучам. Стоял, постепенно согреваясь, ощущая, как отступает могильный холод «Ригорэ» и вместе с теплом в его сердце проникает надежда.

Едва за Кашириным закрылась дверь, Садовский тронул клавиатуру и загрузил данные с видеокамер в вестибюле. Выбрал изображение, на котором следователь выглядел наиболее четко, скопировал и распечатал. Несколько секунд рассматривал лицо на бумаге, потом взял чип-ключ и поднял переднюю панель. Под ней тусклым синеватым огнем светились пять маленьких кнопок. Садовский нажал на одну из них, и стеновая панель позади стола сдвинулась, обнажая проход. Десять широких ступеней вели вниз к длинному, ярко освещенному коридору. Путь, о существовании которого в «Ригорэ» знали только избранные.

Садовский спустился в проход, дошел до массивной стальной двери и нажал на пульте еще одну кнопку. Внутри коридор раздваивался – в одной его части было несколько одинаковых деревянных дверей, а другая вела к коммуникациям, поддерживающим необходимую атмосферу в лабораториях. Находиться тут без маски и кислородного баллона было опасно, и Садовский надел респиратор. Быстро миновав технические помещения, он нырнул в узкий лаз

и вошел в просторную прямоугольную комнату. За огромным монитором, на котором велась ожесточенная борьба с диковинным монстром, сидел рослый человек в спортивном костюме. В руках он держал игровой контроллер и периодически всем телом наклонялся вперед, помогая управлению персонажем.

– Андрей! – окликнул его Садовский.

Мужчина нехотя отложил джойстик и повернулся к вошедшему.

– Есть работа, – Садовский протянул ему распечатку с изображением Каширина.

– Кто он?

– Следователь.

– Жаль, не люблю убивать своих.

– Знаю, но выхода нет. Похоже, Акимов успел с ним связаться и кое-что рассказать. Доказательств у него нет, но настроен решительно.

– Почему не дашь ему денег?

– Не всех можно купить, Андрей. Я заплатил Акимову за молчание, но он украл халат и начал шантажировать меня. Оставлять свидетелей опасно. Думаю, придется убрать и других санитаров. Но сначала разберись с Кашириным.

– Понял.

Андрей встал и неторопливо пошел в угол комнаты, где стояла большая сумка. Вытащил из нее прозрачный пластиковый пакет с логотипом государственной электрослужбы, пистолет, складной нож и веревку. Убрал оружие в потертый холщовый рюкзак и стал переодеваться в синюю спецодежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.